

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОЖОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

годъ	21 Іюня	№ 18	1906 года.	XXXV.
------	---------	------	------------	-------

— ⊕ О Т Д Ъ Л Ъ О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н Ы Й . ⊕ —

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Все-
россійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,
Преосвященному Сумеону, Епископу Екатеринославскому
и Таганрогскому:

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій
Правительствующій Синодъ слушали: рапортъ Вашего Пре-
освященства, отъ 18-го Апрѣля сего года за № 8125, объ
открытіи самостоятельнаго прихода съ причтомъ при молит-
венномъ домѣ на Щербиновскомъ рудникѣ, Бахмутскаго уѣзда.
Приказали: Согласно ходатайству Вашего Преосвященства,
Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: при молитвенномъ домѣ на
Щербиновскомъ рудникѣ, Бахмутскаго уѣзда, открыть само-
стоятельный приходъ съ причтомъ изъ священника и псалом-

щика, съ тѣмъ, чтобы содержаніе причта новооткрываемаго прихода относилось исключительно на изысканные мѣстные средства. О чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство укамомъ, а въ Хозяйственное Управленіе передать выписку изъ сего опредѣленія. Мая 24 дня 1906 года Оберъ-Секретарь П. Мудролюбовъ. Секретарь А. Ростовскій.

Кромѣ этого на имя Его Преосвященства послѣдовали изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода указы:

о томъ, что Государь Императоръ, въ 6-й день мая сего года, Высочайше соизволилъ на принятіе Георгіевскою церковью села Сартаны, Мариупольскаго уѣзда, Екатеринославской епархіи, участка усадебной земли, съ находящимися на немъ постройками, мѣрою 626 кв. саж., отводимаго обществомъ крестьянъ названнаго села изъ своего надѣла подъ усадьбы причта;

Іоанно-Златоустовскою церковью села Ялты Мариупольскаго уѣзда, Екатеринославской епархіи, трехъ участковъ усадебной съ постройками земли, мѣрою первый 672 кв. саж., второй 352 кв. саж. и третій 198 кв. саж., а всего 1222 кв. саж., или сколько въ дѣйствительности окажется, отводимыхъ мѣстнымъ обществомъ крестьянъ изъ ихъ надѣла въ собственность вышеназванной церкви подъ усадьбы причта;

церковью села Чернетчины, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской епархіи, 1 дес. земли, жертвуемой дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Николаевичемъ Синельниковымъ подъ устройство домовою церкви во имя Св. Николая Чудотворца надъ фамильнымъ склепомъ жертвователя, имѣющей быть приписной къ церкви села Чернетчины.

и Петро-Павловскою церковью села Павловки, Мариупольскаго уѣзда, Екатеринославской епархіи, двухъ участковъ

усадебной земли съ постройками, въ количествѣ 1200 кв аж., отводимой обществомъ крестьянъ названнаго села изъ своего надѣла подъ усадьбы причта.

Перемѣны по службѣ.

Высочайшимъ приказомъ, отъ 19 мая 1906 года, архивариусъ Екатеринославской духовной консисторіи коллежскій секретарь Димитрій Мизякевичъ произведенъ за выслугу лѣтъ со старшинствомъ въ титулярные совѣтники съ 27 сентября 1905 года.

РУКОПОЛОЖЕНЪ 28 мая псаломщикъ с. Крестовки, Маріупольскаго уѣзда, Павелъ Петровъ во священника къ Олевской церкви с. Пречистовки, того же уѣзда.

ОПРЕДѢЛЕННЫ: 30 мая учитель образцовой школы при духовной семинаріи Василій Власенко во священника къ Покровской церкви с. Троицкаго, Верхнеднѣпровскаго уѣзда; 8 іюня діаконъ Рождество-Богородичной церкви с. Георгіевки, Славяносербскаго уѣзда, Андрей Кочерга во священника къ Николаевской церкви с. Срѣтенки, Маріупольскаго уѣзда; 8 іюня учитель Покровской церковно-приходской школы гор. Бахмута Игнатій Сапежко во священника къ Николаевской церкви с. Софіевки, Верхнеднѣпровскаго уѣзда; 7 іюня заштатный псаломщикъ состоящій въ должности учителя въ Марьинской церковно-приходской школѣ Маріупольскаго уѣзда, Андрей Татарченко въ псаломщики къ Константино-Еленинской церкви с. Хорошево, Верхнеднѣпровскаго уѣзда.

ПЕРЕМѢЩЕНЫ: 16 марта священникъ церкви села Ясинватаго, Бахмутскаго уѣзда, Григорій Θεодоровъ къ Во-

знесенской церкви с. Государева-Байрака, того-же уѣзда; 7 іюня псаломщикъ Константино-Еленинской церкви с. Хорошева, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Іоаннъ Смирнскій къ Іоанно-Богословской церкви с. Сухачевки, Екатеринославскаго уѣзда; 8 іюня діако́нъ на псаломщической вакансіи Александро-Невской церкви посада Азова, Ростовскаго на-Дону округа, Дмитрій Каракошъ діакономъ къ Варваринской церкви с. Карнауховки, Екатеринославскаго уѣзда, 22 марта священникъ Ѳеодоро Стратилатовской церкви с. Петровскаго, Бахмутскаго уѣзда, А. Пальвелевъ къ Макаріевскому молитвенному дому Щербиновскаго рудника, того же уѣзда; того же числа псаломщикъ Ѳеодоро-Стратилатовской церкви с. Петровскаго, Бахмутскаго уѣзда, Іоаннъ Брагинъ къ Макаріевскому молитвенному дому Щербиновскаго рудника того же уѣзда.

УВОЛЕНЫ ЗА ШТАТЬ 6 іюня священникъ Архангело-Михайловской церкви с. Старыхъ-Кайдакъ, Екатеринославскаго уѣзда, Іоаннъ Сугареко согласно прошенія по болѣзни впредь до выздоровленія; 12 мая опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства діако́нъ—псаломщикъ Успенской церкви с. Басани, Александровскаго уѣзда, Поликарпъ Переверзовъ, будучи оставленъ запрещеннымъ въ священнослуженіи, уволенъ за штатъ; 7 іюня псаломщикъ Іоанно-Богословской церкви с. Сухачевки, Екатеринославскаго уѣзда, Сүмеонъ Смирнскій согласно его прошенія.

УТВЕРЖДЕНЫ церковные старосты: 5 іюня къ Томско-Богородичной церкви гор. Новомосковска мѣщанинъ Тихонъ Шепелевъ на восьмое трехлѣтіе; того же числа къ Всехсвятской кладбищенской церкви гор. Новомосковска крестьянинъ І. Кириченко, къ Николаевской церк. школь Петро-Марьевскаго рудника, Бахмутскаго уѣзда, крестьянинъ Іоаннъ Гутторовъ, къ Николаевской церкви ст. Авдѣвки, Бахмутскаго

уѣзда, личный почетный гражданинъ Іаковъ Ульяновъ на второе трехлѣтіе; къ Димитріевской церкви с. Бузовки, Новомосковского уѣзда, крестьянинъ Ѳеодоръ Ѳеодоровъ; къ Крестовоздвиженской церкви с. Діевки, Еккатеринославскаго уѣзда, крестьянинъ Евѡимій Кошеленко; 6 іюня къ Николаевской церкви с. Омельника, Александровскаго уѣзда, крестьянинъ Максимъ Иванецъ; того же числа къ Казанскому молитвенному дому Кошіевскаго рудника, Славяносербскаго уѣзда, крестьянинъ Ѳеодоръ Пажековъ; къ Вознесенской церкви с. Спасскаго, Новомосковского уѣзда, крестьянинъ Мовсей Кудлай; къ Рождество-Богородичной церкви с. Губинихи, Новомосковского уѣзда, крестьянинъ Мелакій Борсукъ на второе трехлѣтіе; къ Покровской церкви с. Вербоватаго, Павлоградскаго уѣзда, крестьянинъ Харитонъ Кривой; къ Вознесенской церкви с. Койсуга, Ростовскаго на-Дону округа, Захарій Плотниковъ и того же числа къ Свято-Троицкой церкви с. Зачатовки, Маріупольскаго уѣзда, крест. Артемій Бондарь.

УТВЕРЖДЕНЪ попечитель 6 іюня Николаевской церкви с. Николаевки-Купіевахи, Верхнедніпровскаго уѣзда, Андрей Годсяцкій и 7 членовъ.

УВОЛЕНЫ церковные старосты: 6 іюня молитвеннаго дома при ст. Паннетино инженеръ Михаилъ Ѳеодоровъ и Св.-Духовской церкви с. Артельного, Павлоградскаго уѣзда, Григорій Суринъ, согласно прошенія.

Списокъ свободныхъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ въ епархіи.

Всѣ священно-церковно-служительскія мѣста показанныя въ № 17 Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1906 годъ свобод-

ны за исключеніемъ Вознесенской церкви села Государева Байрака, Бахмутскаго уѣзда; Покровской церкви села Троицкаго Верхнеднѣпровскаго уѣзда; Николаевской церкви села Срѣтенки, Мариупольскаго уѣзда; кромѣ того праздны: при Николаевской церкви села Ясиноватого, Бахмутскаго уѣзда—въ причтѣ два священника и два псаломщика, прихожанъ м. п. 2533 души, земли 111 дес., жалованья 1 свящ. 105 р. 84 к. 2-й священникъ 78 р. 40 к., 1-й псаломщикъ 39 р. 26 к. и 2-й псаломщикъ 26 р. 46 к., квартира для двухъ священниковъ есть, для псаломщиковъ же квартиръ нѣтъ, а получаютъ отъ церкви по 15 р. въ годъ, мѣста вакантное 2 священника; при Феодоро-Стратилатовской церкви села Петровскаго, того же уѣзда,—въ причтѣ два священника, діаконъ и два псаломщика, прихожанъ м. п. 3203 д., земли 1 дес. усадебной и 66 дес. пахатной и сѣнокосной, жалованья 1 свящ. получаетъ 122 р. 12 к., 1-й псаломщикъ 47 р. 4 к., 2 псаломщикъ 41 р. 16 к. въ годъ, причтъ пользуется 4% съ капитала мѣсто 1 священника вакантно.

При Архангело Михайловской церкви села Старые Кайдаки, Екатеринославскаго уѣзда,—въ причтѣ священникъ и псаломщикъ, прихожанъ м. п. 922 душъ, земли 33 дес., жалованья священнику 296 руб., псаломщику 98 р., во годъ, квартиры для причта есть, мѣсто свободно священника. Діаконскія мѣста показанные въ № 17 Епархіальн. Вѣд. за 1906 г. всѣ свободны за исключеніемъ Николаевской п. с. Софіївки Верхнеднѣпровскаго уѣзда; кромѣ того праздны при Рождество-Богородичной церкви села Георгіевки Славяно-сербскаго уѣзда—въ причтѣ священникъ, діаконъ и псаломщикъ, прихожанъ м. п. 2306 душъ, земли 120 д., жало-

ванья священнику 105 р. 90 к. и псаломщику 35 р. 20 к. квартира для причта есть.

Псаломщическіе мѣста показанные въ № 17 всѣ сבודны за исключеніемъ церкви села Хорошево Верхнеднѣпровскаго уѣзда; Иоанно-Богословской церкви села Сухачевки, Екатеринославскаго уѣзда; кромѣ того праздны: при Успенской церкви села Басани Александровскаго уѣзда—въ причтѣ два священника и два псаломщика прихожанъ м. п. 2860 д., земли 33 дес, жалованья 1 священнику 141 р. 12 коп. псаломщику 40 р. 33 к. и 4% на сумму 192 р., у одного священника домъ собственный, другому священнику и 1 псаломщику дома обществ., 2-й псаломщикъ пользуется наемной квартирой отъ общества, мѣсто свободно 1 псаломщика: при церкви села Петровскаго, Бахмутскаго уѣзда (см. мѣста свящ.).

При Покровской ц. села Варваровки, Екатеринославскаго уѣзда,—въ причтѣ священникъ и псаломщикъ, прих. м. п. 950 душъ, земли 118 д., жалованья псал. 46 р. 34 к. въ годъ, квартира есть но для жилья не годна; при Иоанно Богословской церкви села Сухачевки, Екатеринославскаго уѣзда, въ причтѣ: священникъ и псаломщикъ, прих. м. п. 1050 д., земли 120 дес. жалованья священнику 144 р., а псаломщ. 48 р. въ годъ и 20 р. % съ капитала 500 р. квартира свящ. есть, у псаломщика соб. домъ; при Александро-Невской церкви посада Азова, Ростовскаго на Дону округа,—въ причтѣ 2 священника, діаконъ и два псаломщика, прих. м. п. 2167 душъ, земли 460 квадр. саженой, жалованья причту въ годъ 43 р. 68 к., 4 $\frac{1}{2}$ % изъ капитала 2003 р., 3 $\frac{1}{2}$ % съ капитала 310 р. и съ капитала 100 руб. квартиры для причтовъ нѣтъ, мѣсто 1 псал. вакантно.

ВЪДОМОСТЬ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ наличныхъ денегъ и билетовъ Екатеринбургскаго Епархіальнаго Попечительства за май 1906 года.

	Попечитель- скій капиталъ.		Приютскій.		Больничный.		Опекунскій.	
	Налич- ными.	Биле- тами.	Налич- ными.	Биле- тами.	Налич- ными.	Биле- тами.	Налич- ными.	Биле- тами.
	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.
Оставалось на 1-е мая 1906 года	8104 12	164669 —	63 68	21000 —	1239 92	18300 —	42446 14	31650 —
Въ маѣ мѣсяцъ поступило на приходъ	2846 33	— —	199 50	— —	188 10	— —	593 42	— —
Итого въ приходъ на 1-е июня 1906 г.	10950 45	— —	263 18	— —	1428 2	— —	43039 56	— —
Въ маѣ мѣсяцъ израсхо- довано	727 96	— —	— —	— —	756 75	— —	908 21	— —
Осталось въ кассѣ Попечи- тельства на 1-е июня 1906 г.	10222 49	164669 —	263 18	21000 —	671 27	18300 —	42131 35	31650 —

Примѣчаніе. По журналу Попечительства отъ 16 февраля 1901 года за № 95 постановлено: всѣ состоящіе въ вѣдѣніи Попечительства капиталы, помѣщенные въ подлежащихъ Гоуд. Кредит. Учрежд. по книжкамъ безрочныхъ вкладовъ, сберегательной кассы, считать наличными.

Редакторъ, Секретарь Консиспориіи Д. Орловъ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Указъ. 2) Перемены по службѣ. 3) Списокъ свобод-
ныхъ мѣст. 4) Вѣдомость.

Екатеринославъ. Типография Братства Св. Владимира.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

21 Іюня № 18 1906 года.

⊖ ОТДѢЛЬ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ. ⊖

Христіанство и соціализмъ.

Продолженіе *).

Причины враждебнаго отношенія соціализма къ христіанству *отчасти* заключаются въ обстоятельствахъ историческаго и случайнаго характера. Обстоятельства эти настойчиво указывалъ въ послѣднее время извѣстный ученый публицистъ Булгаковъ въ статьяхъ своихъ, печатавшихся въ журналѣ «Вопросы жизни». Матеріалистическій демократизмъ и соціализмъ, писалъ онъ, въ своей борьбѣ съ религіей не только не встрѣчалъ себѣ до сихъ поръ никакого идейнаго противодѣйствія, но имѣлъ могущественныхъ союзниковъ. Союзниками этими были и тѣ представители духовенства, которые до послѣдняго времени, неизмѣнно соблюдая виды гражданскаго правительства, оправдывали наличный государственный строй, каковъ бы онъ ни былъ, вплоть до рабства и крѣпостничества. Между тѣмъ всякое новое движеніе, самое гуманное, самое желанное и справедливое съ точки зрѣнія христіанскаго религіознаго идеала, если только оно возникло не отъ правительства, а со стороны самого общества, если оно было несомнѣнимо съ установившимся порядкомъ

*) См. № 17 1906 г.

государственнымъ,—не встѣало сочувствія среди духовенства, а даже вызывало порою рѣзкій и ожесточенный отпоръ. А вслѣдствіе такого образа дѣйствій духовенства произошло то,... что на церковь установился взглядъ не какъ на носительницу свѣта и вѣчной истины, а наоборотъ, какъ на источникъ мрака и вражды въ отношеніи ко всякому свѣтлому, свободному, прогрессивному движенію» (Церков. Вѣстн. 1906 г. № 14, стр. 322-323).

Самъ по себѣ тотъ фактъ, что представители церкви не всегда стояли на должной высотѣ и служили иногда чуждымъ цѣлямъ государственности, нисколько не компрометируютъ христіанскаго ученія. Къ сожалѣнію это опустили изъ виду многіе социалисты перенесшіе свою ненависть съ нѣкоторыхъ не совсѣмъ достойныхъ членовъ русской и католической іерархіи на самое содержаніе религіи вообще и Евангелія въ частности. Если духовенство, какъ говоритъ Бебель, служило иногда интересамъ силы, господствующему классу, то оно дѣлало это не потому, что руководствовалось ученіемъ Христовымъ, а вслѣдствіе того, что забывало о немъ. Само по себѣ христіанство заключаетъ гораздо болѣе прогрессивныхъ элементовъ, чѣмъ какая бы то ни было философская, этическая или социальная система. Кто читалъ Евангеліе, тотъ знаетъ, что идеи всеобщаго равенства, братства и свободы, безконечной цѣнности человѣческой личности, любви, милосердія, всепрощенія и безконечнаго совершенствованія—составляютъ краеугольный камень христіанской вѣры и морали. Если бы люди хоть сколько нибудь прониклись тѣми нравственными идеалами, которые заповѣдалъ намъ Спаситель, то сами собою пали бы цѣпи рабства во всѣхъ его видахъ, были бы не возможны ни угнетеніе сильными слабыхъ, ни лишеніе кого либо человѣческихъ и гражданскихъ правъ, ни экономическое неравенство. Всевозможные виды насилія и преступленій, войны, казни существуютъ до сихъ поръ только потому, что даже люди, исповѣдующіе устами своими

христіанскую вѣру, на самомъ дѣлѣ сердцемъ своимъ далеко отстоять отъ христіанскихъ идеаловъ.

Неблагоклонное отношеніе церкви къ социализму помимо причинъ, заключающихся въ самой сущности этого ученія, также въ значительной степени объясняется нѣкоторыми обстоятельствами чисто историческаго характера. Современный европейскій социализмъ находится въ генетической связи съ тѣми ученіями, которыя выросли на почвѣ великой французской революціи и которыя по самой своей сущности были враждебны всякому преданію, всякой традиціи. Раціонализмъ въ области знанія, автономизмъ въ области нравственности и эвдемонизмъ въ области общественно-политической жизни — вотъ принципы философіи конца 18-го столѣтія, когда впервые возникли зародыши коммунистическихъ идеаловъ. Философы 18-го вѣка, въ особенности энциклопедисты, видѣли въ христіанствѣ и вообще въ положительныхъ религіяхъ только противниковъ, только препятствія на томъ пути, по которому они хотѣли вести Францію и человѣчество. Они не понимали должнымъ образомъ ни христіанства, ни религіозной вѣры. Для нихъ религія, начиная съ христіанства, была прежде всего дѣломъ политики, дѣломъ царей и духовенства. Это ничто иное, какъ умственные цѣпи, выкованныя умышленно для покоренія народа. Такой взглядъ чрезъ дѣятелей французской революціи и послѣдователей утопическаго социализма по традиціи былъ усвоенъ и новѣйшимъ научнымъ коллективизмомъ, который, по справедливому выраженію Булгакова, представляетъ изъ себя атеистическій гуманизмъ, религію безъ Бога и противъ Бога. Само собою разумѣется, что и церковь, зная о такомъ отношеніи къ ней adeptовъ разсматриваемаго ученія, не могла относиться къ нему благоклонно.

Но что заставляло французскихъ философовъ и политическихъ новаторовъ революціонной эпохи враждебно относиться къ церкви и ея служителямъ. Причина этого опять заключалась не въ самомъ содержаніи христіанства, а въ

особенностяхъ того положенія, которое занимала тогда церковь въ государствѣ и той роли, какую играло въ то время духовенство. Церковь предстала предъ энциклопедистами, а затѣмъ дѣятелями революціи, какъ государственное учрежденіе, связанное со всѣми монархическими и аристократическими установленіями того времени. Она занимала официальное положеніе и была одарена всевозможными привилегіями. Отсюда приверженцы демократіи и революціи видѣли въ ней союзницу стараго режима и его оплотъ. Въ свою очередь и духовенство того времени не могло равнодушно относиться къ ниспроверженію прежняго порядка, такъ какъ оно необходимо должно было поколебать его матеріальное и правовое положеніе. Такъ установился антагонизмъ между дѣятелями политическаго освобожденія народа и представителями клира, антагонизмъ, который, находя себѣ поддержку въ не всегда достаточно благородномъ поведеніи духовенства, сохранился и до настоящаго времени какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Россіи.

Наконецъ, причина неблагоклоннаго отношенія церкви къ социализму заключается въ томъ, что опять вслѣдствіе чисто историческихъ условій онъ получилъ и на западѣ и особенно у насъ въ Россіи боевой характеръ, включивъ въ число своихъ послѣдователей революціонные элементы. Собственно говоря, если разсматривать социализмъ какъ научную политико-экономическую теорію, то необходимо признать, что всякое населеніе несогласно съ его основными принципами. По ученію столповъ новѣйшаго коллективизма Маркса и Энгельса процессъ поглощенія мелкихъ собственниковъ капиталомъ и его концентрація, ростъ пролетаріата и, какъ слѣдствіе всего этого, экспроприация частной собственности, обобществленія средствъ производства: земли и капитала—должны наступить сами собою безъ всякаго сторонняго искусственнаго вмѣшательства, единственно вслѣдствіе роковыхъ, абсолютно-необходимыхъ и исключającychъ свободу воли, законовъ исторіи. Но иное дѣло отвлеченная система, а иное ея примѣненіе къ

дѣйствительной жизни людьми, обладающими кровію, плотію и нервами. Адепты социализма при столкновѣніи лицомъ къ лицу съ неправдою жизни, съ возмутительной эксплуатаціей слабыхъ сильными, съ проявленіями дикаго произвола и насилія, съ нищетою, приниженностью и безправіемъ трудящихся классовъ забываютъ о философскихъ основахъ своей вѣры, о принципахъ экономическаго матеріализма и, желая какъ бы помочь исторіи, ускорить естественный процессъ социализаціи средствъ производства, вступаютъ на путь активной борьбы. А такъ какъ при настоящихъ условіяхъ политической жизни эта борьба не можетъ быть легальной, то она получаетъ революціонный характеръ и та дорога, по которой идетъ социализмъ, орошается кровію, усѣвается трупами. По мнѣнію Либкнехта отвѣтственность за это лежитъ не на тѣхъ, «которые по законамъ человѣческаго развитія старались дать новыя формы новому содержанию, новое выраженіе новымъ идеямъ», а на тѣхъ, которые по близорукости или эгоизму старались помѣшать ходу человѣческаго развитія. «Какъ потокъ тихо течетъ, если никакое препятствіе ему не мѣшаетъ, но задержанный скалами образуетъ дикіе, бушующіе водопады, или, уничтожая все вокругъ, разливается по берегамъ, также и теченіе міровой исторіи. Только тамъ, гдѣ вырастаютъ препятствія, образуются пороги, водопады, потопа, возстаніе, мятежъ, революція» («Два міра», стр. 24). Мы не будемъ въ данномъ случаѣ судить о томъ, насколько правъ Либкнехтъ, считая участниковъ мятежей и возстаній всегда и безусловно невиновными. Признавая свободу человѣческой воли, мы нѣсколько иначе думаемъ по данному вопросу. Но какъ бы то ни было, нельзя отрицать того, что современный социализмъ получилъ революціонное направленіе, что отвергая принципиально насиліе въ качествѣ отвлеченной научно-философской теоріи, онъ вполне санкціонируетъ и допускаетъ его, когда является живой реальной силой, вдохновляющей дѣятельность такъ называемыхъ социаль-демократическихъ политическихъ

партій. Съ терминомъ «соціализмъ» такъ же, какъ и со словомъ «революція» въ нашемъ сознаниі ассоціируются кровавыя призраки и для этого, конечно, есть основанія. Въ этомъ же заключается причина и того, почему церковь, представительница религіи любви и мира, отрицательно относится къ разсматриваемому нами ученію.

До сихъ поръ мы останавливали свое вниманіе преимущественно на тѣхъ причинахъ антагонизма между христіанствомъ и соціализмомъ, которыя имѣютъ характеръ историческій и случайный, которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ могло бы и не быть и которыя съ теченіемъ времени могутъ уничтожиться. Но этимъ не исчерпывается источникъ разногласія между ними. Корень его лежитъ гораздо глубже въ самой сущности, въ самомъ содержаніи идеаловъ Евангелія и коллективизма. При нѣкоторыхъ чертахъ внѣшняго сходства между ними лежитъ глубокая бездна, чрезъ которую едвали когда нибудь удастся перекинуть мостъ, какъ мечтаютъ объ этомъ сторонники «христіанскаго» соціализма, «христіанской» коммунистической политики.

Современный научный соціализмъ покоится на базисѣ такъ называемаго историческаго матеріализма, съ точки зрѣнія котораго всѣ факты внѣшней и внутренней жизни человѣчества вырастаютъ исключительно на почвѣ производства, обмѣна и потребленія. «Основные причины всѣхъ перемѣнъ въ строѣ общества и всѣхъ переворотовъ, говоритъ Энгельсъ, коренятся не въ умственномъ развитіи людей и не въ томъ, что люди лучше оцѣнили вѣчную истину и справедливость, а въ измѣненіяхъ, которыя претерпѣли способы производства и обмѣна. Причины общественныхъ перемѣнъ слѣдуетъ искать не въ философіи данной эпохи, а въ экономикѣ ея. Если люди начинаютъ сознавать, что существующія общественныя учрежденія неразумны и несправедливы, что то, что прежде было разумнымъ, теперь стало бессмысленнымъ, и что прежнее благо

превратилось въ зло, то это показываетъ только то, что въ способахъ производства и въ формахъ обмѣна незамѣтно совершились перемѣны, благодаря которымъ, общественный строй, приспособленный къ прежнимъ экономическимъ условіямъ, пересталъ соответствовать создавшимся теперь условіямъ» (Энгельсъ «Отъ утопіи къ научной теоріи», С. П. Б. 1905 г. стр. 25). Какъ видимъ, философское міросозерцаніе социализма носитъ чисто механической характеръ, совершенно исключаящій значеніе свободы, какъ одного изъ факторовъ исторической жизни. Христіанство съ его ученіемъ о творческихъ силахъ личности, о томъ, что каждый изъ насъ является не только результатомъ но и причиной, (можетъ творить *новыя* акты и вносить нѣчто *свое* въ міръ единственно благодаря внутреннему самоопредѣленію),—очевидно стоитъ на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія. Отрицая начало контингентности въ мірѣ и роль *личности* въ исторіи, социализмъ враждебенъ всякому идеалистическому и религіозному міропониманію. Понятно отсюда, почему Энгельсъ смотрѣлъ на религію, какъ на изжитый моментъ человѣчества. Вполнѣ правъ былъ и Бебель: когда писалъ, что «христіанство и социализмъ противостоятъ другъ другу, какъ огонь и вода». Всецѣло стоя на матеріалистической почвѣ, коллективизмъ ничего не хочетъ знать о небѣ, о Богѣ, о жизни загробной. Съ христіанской точки зрѣнія эта жизнь есть лишь приготовленіе къ жизни будущей. За дверьми гроба насъ ожидаетъ невѣдомый океанъ блаженства, въ которомъ потонуть страданія земли. Для социализма предѣлами земного бытія исчерпывается вся область сущаго. Отсюда всѣ его заботы, всѣ чаянія и надежды привязаны исключительно къ землѣ, къ устроенію земного рая. Онъ заставляетъ человѣка смотрѣть внизъ, а не вверхъ, привязываетъ его къ землѣ и земному. Онъ дѣлаетъ это не только *вслѣдствіе* матеріалистическаго характера своей

философіи, но и съ нѣкоторою особенною *цѣлюю*. «Онъ чувствуетъ, что лучшее средство сохранить свою власть надъ своими приверженцами и умножить ихъ число—это убѣдить всѣхъ людей, что имъ нечего ждать, кромѣ благъ міра сего. Въ этомъ отношеніи социализмъ есть видъ религіи, или, лучше сказать, онъ есть антирелигія, принципъ и основа ученія которой находятся въ противорѣчій съ сущностью религіознаго сознанія. Нѣтъ болѣе премірныхъ надеждъ; это только дѣтская иллюзія или преступная приманка; мысль также, какъ и жизнь человѣка, должна оставаться въ предѣлахъ земного существованія. Наболѣе пылкіе апостолы коллективизма охотно погасили бы звѣзды на небѣ, чтобы помѣшать человѣку мечтать въ ясныя лѣтнія ночи о жизни будущей и безконечной» (Леруа Болье, цит. соч. стр. 44—45).

По представленію Маркса и его послѣдователей, когда капиталъ окончательно поглотитъ мелкихъ собственниковъ, между капиталистами и пролетаріатомъ произойдетъ столкновение, которое повлечетъ за собою уничтоженіе частной собственности и обобществленіе средствъ производства. Этотъ процессъ совершается съ естественною необходимостью и ничто не можетъ остановить его теченія. Но, тѣмъ не менѣе, человѣкъ съ своей стороны можетъ способствовать его ускоренію. Однимъ изъ средствъ къ тому является обостреніе недовольства пролетаріата. Чѣмъ болѣе обездоленные классы населенія станутъ сознавать ненормальность своего положенія, чѣмъ болѣе будутъ тяготиться имъ и сильнѣе ненавидѣть богачей капиталистовъ, тѣмъ скорѣе совершится экономическій переворотъ, долженствующій положить начало царству социализма. Отсюда понятно, почему послѣдователи Маркса столь враждебно относятся къ христіанству и всякой религіи вообще. Глава историческаго матеріализма съ своей точки зрѣнія былъ совершенно правъ, когда замѣтилъ, что религія есть опіумъ

для народа. Какъ наркотическія средства смягчаютъ боли, такъ религіозныя чаянія иного горняго міра умиротворяютъ людей, вносятъ каплю счастья въ жизнь бѣдняковъ, живущихъ среди самыхъ невыносимыхъ экономическихъ и соціальныхъ условій. Именно это есть одна изъ тѣхъ вещей, которой не прощаютъ религіи-вожаки соціализма. Имъ нужно обострять, раздражать соціальныя раны вмѣсто того, что бы ихъ перевязывать. Въ ихъ глазахъ христіанство, учащее народъ терпѣнію, проповѣдующее любовь и милосердіе ко всѣмъ, есть ученіе усыпляющее, ученіе снотворное, которе стремится какъ бы анестезировать народъ, подслащая его бѣдствія, дѣлая его страданія менѣе чувствительными. Самъ соціализмъ проповѣдуетъ прежде всего, если не какъ цѣль, то какъ средство,—ненависть классовъ и борьбу между ними. Онъ дѣлаетъ это своимъ политическимъ методомъ, сознательно и систематически старается возбуждать антипатіи классовъ, поднимать народныя страсти противъ людей, которые кажутся лучше надѣленными судьбой. Христіанство, утишая силу человѣческаго страданія или дѣлая его болѣе сноснымъ, уменьшаетъ тѣмъ самымъ силу недовольства пролетаріата и энергію народныхъ возмущеній. Для соціалистовъ «религія есть усыпительница, устарѣлыхъ звуковъ которой не должны слушать мужественные умы; мало того, для того, чтобы заставить ее молчать, они не поколебались бы предъ тѣмъ, чтобы изгнать ее или завязать ей ротъ. Пѣсни мира и гимны милосердія, которыя успокаиваютъ страданія и злобу, они хотѣли бы замѣнить пѣснями войны и криками ненависти, которые возбуждаютъ бурный гнѣвъ и которые зовутъ народъ на бой для завоеванія власти и захвата богатства» (А. Леруа Болье, цит. соч. стр. 42).

Въ связи съ матеріалистическимъ міросозерцаніемъ соціализма стоитъ отношеніе его къ земнымъ благамъ, земному чувственному счастью. По ученію слова Божія «не о хлѣбѣ

единомъ живъ будетъ человѣкъ» и искать нужно прежде всего «царствія Божія и правды его». Высшія духовныя блага: добро, совершенство, справедливость должны составлять первенствующую цѣль жизни. Если бы христіанину предложили на выборъ: пользоваться счастьемъ безъ соотвѣтствующаго духовнаго совершенства или наоборотъ совершенствомъ безъ счастья, то онъ долженъ бы былъ выбрать послѣднее. Для социализма само нравственное добро имѣетъ цѣнность лишь постольку, поскольку оно является средствомъ для достиженія счастья, понимаемаго при томъ большею частію въ буржуазномъ чувственномъ смыслѣ. Его царство всецѣло и вполнѣ отъ міра сего. Какъ справедливо замѣтилъ Вл. Соловьевъ «онъ въ сущности стоитъ на одной и тойже почвѣ съ враждебнымъ ему мѣщанскимъ царствомъ—на почвѣ господства матеріальнаго интереса. И здѣсь и тамъ окончательною цѣлью, верховнымъ благомъ признается экономическое благосостояніе, и борьба между двумя враждебными станами не принципиальная, т. е. не изъ содержанія принципа, а только изъ объема его осуществленія; однихъ озабочиваетъ матеріальный интересъ капиталистическаго меньшинства, а другихъ тоже матеріальный интересъ рабочаго большинства и, насколько само это большинство, самъ рабочій классъ начинаетъ заботиться исключительно о своемъ матеріальномъ интересѣ, очевидно и этотъ классъ становится столь же своекорыстнымъ и теряетъ всякое нравственное преимущество предъ своими противниками» (Оправданіе Добра, Москва, 1899 г. стр. 418). Пролетарій социализма самъ очень хотѣлъ бы очутиться на мѣстѣ ненавидимаго имъ капиталиста. Онъ, слѣдовательно, завидуетъ ему.

Впрочемъ было бы несправедливо думать, что христіанство не придаетъ никакой цѣнности земному благополучію, что оно проповѣдуетъ лишь потусторонніе идеалы. Такой аскетическій взглядъ на христіанскую религію, столь распростра-

ненный въ средніе вѣка, теперь уже всѣми оставленъ. Христіанство есть радость не только будущей, но и этой земной жизни, оно высоко цѣнитъ человѣческое счастье, если послѣднее не находится въ противорѣчьи съ идеаломъ добра. Но все же съ христіанской точки зрѣнія *высшая* цѣнность принадлежитъ благамъ духовнымъ. Матеріальное благосостояніе, внѣшнія удобства и комфортъ жизни христіанинъ цѣнитъ главнымъ образомъ постольку, поскольку они составляютъ условіе достойнаго человѣческаго существованія. Если голодъ, холодъ и болѣзни мѣшаютъ человѣку думать о душѣ, то христіанинъ, конечно, долженъ заботиться объ ихъ устраненіи. Но когда дѣло обстоитъ наоборотъ, когда богатство является тормазомъ для духовно-нравственной жизни, то и оно съ христіанской точки зрѣнія есть зло.

Справедливость требуетъ замѣтить, что и матеріалистическій социализмъ, принципиально отрицая значеніе въ жизни какихъ либо иныхъ факторовъ, кромѣ экономическихъ, въ дѣйствительности возвышается надъ свой низменной метафизикой и становится на болѣе благородную идеалистическую почву. Адепты современной социаль-демократической гражданственности много говорятъ о необходимости самоотверженія, борьбы за правду и свободу, заботы о благѣ будущихъ поколѣній. Когда роль заходитъ о религіи, поэзіи, философіи, то лишь одни изъ нихъ прямо признаютъ все это пустословіемъ. Другіе, не отрицая нѣкотораго значенія и за этими проявленіями человѣческаго духа, указываютъ лишь на несвоевременность ихъ удовлетворенія. Теперь, говорятъ они, при современномъ строѣ жизни слѣдуетъ обратить вниманіе на болѣе реальныя и насущныя нужды. Въ этомъ послѣднемъ заявленіи можно найти нѣкоторое оправданіе низменности преслѣдуемыхъ социализмомъ цѣлей. Когда человѣкъ умираетъ съ голода, то нужно прежде всего его накормить, а потомъ уже услаждать музыкой или пѣніемъ, когда онъ болѣетъ, надо лѣчить его тѣло, а не проповѣдывать ему о необходимости

спасенія души. Въ положеніи такого больного и голоднаго челоуѣка находятся съ точки зрѣнія современныхъ коллективистовъ бѣдные обездоленные классы. Пока они голодаютъ, терпятъ холодъ, мрутъ отъ болѣзней, преступно заниматься метафизическими вопросами, искусствомъ, поэзіей. Но только напрасно социалисты сюда же присоединяють религію. Последняя даетъ иногда болѣе счастья, чѣмъ матеріальная сытость. Десятки тысячъ людей скорѣе согласились бы быть голодными и терпѣть недостатокъ во всемъ, чѣмъ быть лишенными религіознаго утѣшенія. Счастье не во внѣ, а внутри челоуѣка.

Но если правы до нѣкоторой степени тѣ социалисты, которые считаютъ заботу о культивированіи высшихъ сторонъ духа несвоевременнымъ въ виду существованія болѣе неотложныхъ задачъ времени, то уже совершенно нельзя сказать этого о тѣхъ изъ нихъ, которые смотрять на всѣ высшія проявленія челоуѣческой психики, какъ на негодный хламъ, метафизическія бредни. Вопросы философіи, религіи, поэзій суть въ тоже время и вопросы жизни, по крайней мѣрѣ для того, кто перешагнулъ извѣстную ступень культурнаго развитія. Они не являются порожденіемъ праздної діалектики, а также безсмертны, какъ самый разумъ, который носитъ ихъ въ своихъ нѣдрахъ. И если бы было односторонностью игнорировать социально-экономическую сторону жизни, признавая сужденіе о ней несоотвѣтствующимъ достоинству челоуѣческаго духа, то не меньшею ошибкою является и тотъ взглядъ, по которому лишь одни вопросы матеріальной культуры заслуживаютъ вниманія, а все остальное составляетъ дребедень, которою могутъ заниматься лишь досужіе, праздные люди. Слѣдуетъ одинаково помнить какъ ту истину, что челоуѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба, такъ и ту, что не о единомъ хлѣбѣ онъ долженъ заботиться. Никто не станетъ оспаривать того, что цѣпи политическаго и экономическаго рабства дущать мысль и вызываютъ духовный параличъ, что голодъ, холодъ, чрезмѣрное напряженіе физическихъ силъ озлобляютъ

человѣка, пробуждаютъ въ немъ животныя инстинкты, парализуютъ его умственную дѣятельность, создаютъ благопріятную почву для преступности и разврата. Но съ другой стороны видѣть въ сытости и благополучіи канечный идеалъ человѣка, а тѣмъ болѣе покупать ихъ цѣною отреченія отъ прекраснѣйшихъ и высшихъ цвѣтковъ внутренней человѣческой культуры—значило бы, по выраженію одного изъ современныхъ публицистовъ, продавать свое духовное первородство за чечевичную похлебку. Искусство, поэзія, религія, философія—всегда составляли и должны составлять гордость человѣческаго духа его лучшее украшеніе. Соціалисты часто забываютъ слова Милля: «лучше быть недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольнымъ дуракомъ, недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольнымъ свиньею». Фаустъ гораздо болѣе заслуживаетъ наше сочувствіе въ то время, когда онъ мучится муками философскаго сомнѣнія, чѣмъ когда блаженствуетъ въ объятіяхъ Маргариты. А между тѣмъ социализмъ въ своихъ заботахъ о всеобщей сытости близко подходитъ къ тому, что бы превратить недовольное человѣчество въ довольное свиное стадо.

Окончаніе слѣдуетъ.

Павелъ Левитовъ.

Въ бурсѣ 80-хъ годовъ.

Личныя воспоминанія и замѣтки.

Окончаніе *).

Перехожу къ описанію преподавателей.

Вниманіе читателя я остановлю прежде всего на двухъ преподавателяхъ, которые рельефно выдѣлились своими приёмами воспитанія и обученія.

Это прежде всего преподаватель русскаго языка въ 1-мъ классѣ. Это былъ природный мѣстный грекъ, человѣкъ сред-

*) См. № 14 за 1906 г.

няго роста, съ длинной черной бородой, вѣчно улыбающійся и почему-то не долюбивавшій и осмѣивавшій греческое население. Преподаваніе русскаго языка онъ велъ не по учебнику Миропольскаго, положеннаго по программѣ, а по собственнымъ замѣткамъ, которые переписывались учениками. Изъ-за этихъ замѣтокъ преподавателю пришлось порядочно покраснѣть предъ ревизоромъ Миропольскимъ авторомъ учебника.

Что наз. предложеніемъ? спрашиваетъ ревизоръ ученика. Тотъ отвѣчаетъ по замѣткамъ. «Это по какому учебнику? Ученикъ показываетъ тетрадку съ замѣтками. Миропольскій беретъ тетрадку и рветъ пополамъ. «Никакихъ замѣтокъ, кромѣ моего учебника» сказалъ ревизоръ и вышелъ изъ класса.

Понятно, что замѣтка осталась по прежнему.

У этого преподавателя право на изученіе его предмета давалось только получившимъ не менѣе 3. Всякій получившій единицу (двоекъ не полагалось) терялъ право не только на изученіе русскаго яз., но даже и на слушаніе. При чемъ самъ преподаватель раздѣлялъ неуспѣвшихъ на 2 категоріи: одни могли присутствовать въ классѣ, но только возлѣ доски, и назывались «воронъ черной масти». Обязанности этихъ вороновъ состояли въ слѣдующемъ: выходилъ хорошій ученикъ отвѣчать къ доскѣ, ему нуженъ мѣлъ. «Воронъ бѣлой масти, подай мѣлъ» командуетъ преподаватель. Тотъ подаетъ мѣлъ, благо, если кусокъ маленькій, а если большой, то слышится другое приказаніе: «раскуси зубами». Когда отвѣчавшій уходилъ на парту, воронъ долженъ былъ стереть доску и повѣсить тряпку. Цѣлый рядъ вороновъ стояло возлѣ доски круглый голь. Здѣсь были вороны черной масти, красной и проч. мастей. Качества давались противоположныя цвѣту волосъ. Ученикъ съ рыжими волосами наз. ворономъ черной масти. Всѣ эти вороны прекрасно знали свои обязан-

ности, и какъ только входилъ въ классъ сей педагогъ, они сейчасъ шли на свои мѣста и къ своимъ обязанностямъ. Впрочемъ и имъ предлагалось иногда занять прежнее мѣсто въ классѣ за партой. Но что они могли знать при подобныхъ обязанностяхъ. Поэтому, если и спрашивалъ ихъ преподаватель, то лишь только для очисти совѣсти, лишь бы не даромъ поставить 1. Но тѣмъ не менѣе и вороны должны были благословлять свою судьбу по сравненію съ «зеленопашцами». Это были тѣ изъ неуспѣвавшихъ, которымъ даже запрещалось присутствовать въ классѣ. Какъ только входилъ преподаватель въ классъ, изъ-за партъ выходила вереница мальчиковъ съ книжками въ рукахъ и выходила за классъ, гдѣ и оставалась, пока и кончался урокъ.

Эта мѣра наказанія называлась «выгнать на зеленую пашу». Одни изгонялись на зеленую пашу въ октябрѣ, другіе въ декабрѣ, а иные и въ февралѣ. Авторъ имѣлъ счастье быть на зеленой пашѣ въ январѣ. Такъ поздно и былъ изгнанъ потому, что раньше имѣлъ 4, а потомъ закозырялъ и дошелъ до 1. Помню прекрасно слова, которыми я изгонялся на зеленую пашу: „иди Павелъ на пашу и стой тамъ пока бабакъ свиснетъ“. Долго я не хотѣлъ идти. Но слыша угрозу позвать швейцара Николая „изшедъ вонъ плакася горько“. Насъ было душъ 7 на пашѣ. Сначала мнѣ показалось стыднымъ быть на пашѣ, а потомъ привыкъ. Льготы, которыми мы „зеленопашцы“ пользовались, вполнѣ утѣшали насъ. Уроковъ неучить—а намъ больше и ничего не нужно. Не знаю, долго-ли продолжалась бы наша паша, но только въ одно прекрасное время случилось событіе, которое сразу рѣшило нашу участь.

Мы были на пашѣ, вездѣ уже занимались и тишина была во всемъ корридорѣ. Уморившись играть въ жмурки, вся наша компанія сѣла завтракать. У одного квартирнаго

нашелся бубликъ. Голодь былъ сильный, а потому одинъ изъ корпусныхъ потребовалъ себѣ половину бублика. Тотъ отказалъ; корпусной не долго думая бросился отнимать и... драка.

Во время этой драки незамѣтно вошелъ на корридоръ смотритель. Увидѣвъ насъ дерущимися, онъ спросилъ, чего мы здѣсь стоимъ. Мы обстоятельно рассказали ему. На другой день намъ предложено было перейти во внутренности святилища, гдѣ мы заняли мѣсто съ воронами. Такъ кончила свое существованіе „зеленая папа“.

Какое было изученіе русскаго яз. воронами и зеленопашцами, таковъ былъ и экзаменъ для нихъ. Вызываетъ бывало смотритель ворона къ столу, а преподаватель предлагаетъ слѣдующіе вопросы:

„Откуда ты?—Изъ Новоспасовки.

„Какъ звать отца?—Григорій.

„А мать?—Марія.

„Ну, иди на мѣсто, Новоспасовскій кизякъ“.

Этимъ и кончался экзаменъ для ворона и зеленопашца. Къ характеристикѣ этого преподавателя нужно еще отнести умѣнье давать ученикамъ клички. Одного за широкое лицо называлъ череняжкой, другого за большіе зубы—лягавымъ. Были и такіе, которымъ приказано было не смотрѣть на преподавателя «чтобы аппетитъ не потерялся». И приходилось избѣгать взглядовъ преподавателя, дабы не оставить преподавателя безъ обѣда. Но къ чести сего преподавателя нужно сказать, что онъ не употреблялъ въ числѣ пріемовъ воспитанія и обученія кулаковъ, чего нельзя сказать о прочихъ воспитателяхъ и главнымъ образомъ преподавателя русскаго яз. въ старшихъ классахъ.

Представьте себѣ человѣка средняго роста, худоцаваго съ рыжеватыми рѣдкими волосами, съ запавшими блѣдными

щеками, высокимъ лбомъ, голубыми выразительными глазами—таковъ внѣшній видъ сего преподавателя. Въ противоположность вышеупомянутому коллегѣ съ цензомъ образованія средней духовной школы, этотъ преподаватель былъ кандидатомъ филологическаго института, прекрасно зналъ свой предметъ, былъ въ высшей степени начитаннымъ и наблюдательнымъ. Будучи сыномъ дьячка онъ прекрасно зналъ бытъ духовенства и въ минуты раздраженнаго состоянія много сообщалъ комичныхъ сторонъ духовенства, чему много помогалъ его природный юморъ и умѣнье сопровождать разсказъ своей мимикой и жестами. Къ намъ въ духовное училище онъ поступилъ съ задатками неизлѣчимой болѣзни чахотки, найдя здѣсь много подходящаго матеріала своей болѣзни и прежде всего въ товарищескихъ пирушкахъ, гдѣ слабая натура его сразу подорвалась. Такъ покрайней мѣрѣ онъ самъ признавался одному воспитаннику семинаріи, лѣчившемуся вмѣстѣ съ нимъ отъ чахотки въ Крыму.

Главнымъ недостаткомъ его обученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и одной изъ причинъ развитія его болѣзненнаго характера, является неумѣнье снизить въ способахъ преподаванія къ дѣтскому возрасту. Привыкъ ли онъ еще въ институтѣ вести разговоръ отвлеченно и логично, только и въ отвѣтахъ учениковъ онъ требовалъ полнаго и логичнаго выраженія своихъ мыслей. Спросить, бывало ученика, что задано на урокъ, ученикъ отвѣчаетъ кратко: о придаточныхъ предложеніяхъ. «Нѣтъ, не такъ». И начинаетъ добиваться того, чтобы ученикъ сказалъ полностью: намъ задано... При объясненіи урока употреблялъ формы отвлеченныя, непонятныя ученикамъ, говорилъ долго, увлекался, а потому ученики мало понимали его и мало отвѣчали ему. А это его раздражало. Не умѣя въ силу болѣзненности своего характера сдерживать порывы своего раздраженія, онъ въ пылу гнѣва не стѣснялся слова-

ми, а потомъ и дѣйствіями для выраженія своего гнѣва. При этомъ злился еще болѣе, передразнивалъ учениковъ, острилъ въ высшей степени злостно, что вызывало смѣхъ въ ученикахъ, а это доводило его до состоянія высшей степени раздраженія. Онъ хватался за грудь, кашлялъ. утиралъ выступающій потъ, пока всегда желанный звонокъ не прекращалъ этой трагикомеди. Изученіе русскаго языка велось не по одному опредѣленному учебнику, а по многимъ одновременно: Миропольскаго, Перевлѣсскаго, Кирпичникова и личныя объясненія самаго преподавателя; такъ что ученикъ буквально не зналъ за что и браться. Полное же разочарованіе постигало ученика тогда, когда прійдя въ классъ, преподаватель совершенно о другомъ спрашивалъ. Отсюда въ ученикахъ складывалось такое убѣжденіе: хоть учи, хоть не учи—все равно не отвѣтишь. Авось какъ нибудь... И надо правду сказать, что авось всегда выигрывало.

Съ авторомъ былъ такой случай. Сидитъ и долбить что то по фонетикѣ. Сосѣдъ Иваницкій подходитъ и говорить: охота тебѣ долбить, все равно не отвѣтишь, и этого не будетъ и спрашивать». А ты, что готовишь спрашиваю я. «Ничего, а завтра отвѣчу, если вызовешь». Такъ и вышло. На другой день приходитъ преподаватель, вызываетъ меня и совѣмъ о другомъ спрашиваетъ. Садитъ меня, вызываетъ товарища—сосѣда и предлагаетъ разобрать предложеніе. Тотъ разбираетъ и получаетъ 3. О фонетикѣ ни слова не спрашивалъ.

Чтобы рельефнѣе выставить характеръ этой личности а вмѣстѣ и приемы его обученія, я въ краткихъ чертахъ представлю читателю одинъ изъ уроковъ этого преподавателя. Звонокъ пробилъ на урокъ. Кое гдѣ еще шмыгаютъ ученики по корридору и классамъ; но въ 4 кл. мертвая тишина. Всѣ сидятъ тихо, разговоръ шепотомъ, выраженіе какое то апатичное, славенное, въ учебникахъ не роются; каждый только

и думаетъ не объ отвѣтѣ, а какъ бы миновала его чаша отвѣта. Одинъ только дежурный стираетъ доску да готовить мѣлъ. Не успѣлъ онъ еще стереть доску, какъ дверь отворилась и влетѣлъ преподаватель русскаго яз. Подъ мышками цѣлыя кипы тетрадей и книгъ. Всѣ поднимаются, а дежурный на ходу читаетъ молитву. Не успѣлъ онъ кончить молитву, какъ преподаватель возлѣ него. «Ты сынъ дьячка? да. Ну такъ и видно. И батко твой такъ же въ церкви. Самъ перелистуетъ книги и тутъ же качаетъ: аминь, слава Тебѣ Боже нашъ... Святой Боже, святой крѣпкій.. А то поетъ святой Боже, а самъ на бабу: дай пятака, святой крѣпкій, да давай же скорійше». Ученики стоятъ съ поникшими головами еле сдерживая смѣхъ. Садитесь, слышится отъ преподавателя. А ты дежурный, отвѣчай урокъ. О чемъ урокъ? О придаточныхъ предложеніяхъ, сдавленнымъ голосомъ отвѣчаетъ ученикъ. «Нѣтъ, не такъ».

Намъ задано на урокъ о придаточныхъ предложеніяхъ, понявъ свою ошибку болѣе рѣшительнымъ голосомъ твѣчаетъ ученикъ. «Ну, разбери это предложеніе». Ученикъ недоумѣваетъ. Молчить. «Что же ты молчишь?» Придаточнымъ предложеніемъ наз... отвѣчаетъ ученикъ. Преподаватель смотритъ и злостно улыбается. «Это похоже на то, какъ везетъ мужикъ сѣно, а другой спрашиваетъ его: дядя, далеко до города? а тотъ отвѣчаетъ ему: лубки везу». Въ классѣ слышится смѣхъ. Еле сдерживаясь, улыбается и ученикъ. «Ты чего смѣешься? А? Ты, круподѣ, и дергаетъ ученика за воротникъ блузы. «Тебѣ смѣшно, что я сержусь? На жъ тебѣ», и въ классѣ слышится пощечина. «Садись скотина». Ученикъ радъ, что такъ легко отдѣлался, быстро опускается. Преподаватель идетъ къ журналу и ищетъ жертву. Всѣ моментально опускаютъ головы по учебнику, моля въ душѣ Господа, чтобы миновала его очередь. «Ивановъ». Разбери это предложеніе. Повтори

его, Намъ задано на урокъ о придаточныхъ предложеніяхъ. «Ну разбери». Здѣсь подлежащее... «Гдѣ здѣсь, у меня на носу или у тебя на ушахъ» и касается тетрадью ушей ученика. Ученикъ обезкураженный на первомъ словѣ, теряетъ всякую охоту отвѣчать дальше. «Гдѣ здѣсь, отвѣчай мнѣ» кричитъ болѣе неистовымъ голосомъ преподаватель и ближе подступаетъ къ ученику. Видя возлѣ себя грозную фигуру преподавателя, ученикъ совсѣмъ теряется и готовится не къ отвѣту, а къ принятію удара. Послѣдній не замедлилъ прійти въ формѣ пощечины. «Скоты, негодяи, я цѣлыя ночи просиживаю надъ вашими тетрадями, а вы не хотите учить урокъ» кричитъ преподаватель, бѣгая по классу и нервно дергая себя за борты фрака. Жаль было въ это время преподавателя. Съ блѣдными запавшими щеками, возбужденными глазами, поминутно хватался руками за голову, отъ чего прическа портилась, волосы дыбомъ становились. Минуть 15 ходилъ онъ по классу, утирая платкомъ выступавшій потъ, пока наконецъ полного изнуренія голосомъ вызывалъ лучшаго ученика. Теперь уже не было грознаго преподавателя. Сидя за кафедрой, онъ отдыхалъ отъ нервнаго возбужденія. Зная подобное состояніе этого преподавателя, ученикъ громко и отчетливо разбиралъ предложенія. За нимъ слѣдовалъ другой ученикъ, который отвѣчалъ уже урокъ.

Вообще, нужно сказать въ методахъ своего преподаванія онъ главнымъ образомъ старался развить ученика, дать ему какъ можно больше свѣдѣній, хотя эти свѣдѣнія нужно было сообщать воспитаннику 3 класса семинаріи. Для развитія учениковъ г. Тулевичъ устраивалъ литературныя вечера по субботамъ послѣ служенія, въ классѣ въ такихъ случаяхъ биткомъ набитомъ учениками. Читалъ онъ намъ соч. Гоголя, Лермонтова, Тургенева. А читать онъ былъ мастеръ. Эту же любовь къ чтенію онъ старался развить и среди учениковъ

и всячески старался поощрить. Стоило было ученику сказать, что онъ не знаетъ урока, потому что читалъ интересную книгу, какъ и гнѣвъ его проходилъ и двойки не ставилъ. Случалось ему и ловить ученика на своемъ урокъ за чтеніемъ книги, да еще базарнаго изданія, но и въ такихъ случаяхъ дѣло ограничивалось только однимъ выговоромъ. Вообще, какъ преподаватель онъ былъ очень плохой, но какъ человѣкъ — прекраснѣйшій, входилъ въ положеніе бѣднаго ученика, отзывчивый на чужое горе и весьма обходительный и сердечный въ своихъ классныхъ обязаностяхъ. Около 8 лѣтъ онъ пробылъ въ Мариупольской бурсѣ, будучи однимъ на всю тогдашнюю бурсу дѣйствительно образованнымъ и идейнымъ человѣкомъ, былъ одушевленъ прекрасными мыслями, обладалъ громадною энергіей, по большому караблю большое и плаваніе, а у насъ онъ скоро сѣлъ на мель и безъ особенной нужды потерялъ свое здоровье.

Умеръ онъ въ Ялтѣ одинокій среди незнакомыхъ ему людей, но окруженный ученическими тетрадами. Такова его была любовь къ своему дѣлу.

Заканчиваю свои очерки преподавателемъ латинскаго языка Владиміромъ Ивановичемъ Троицкимъ.

Это — послѣдній мазокъ въ великой картинѣ Мариупольской бурсы 80 г. Кажется всякаго рода безобразія можно было допустить. Но чтобы преподавателемъ Духовнаго Училища былъ умалишенный, — это верхъ безобразія, если не больше.

Представьте себѣ человѣка громаднаго роста, въ плечахъ протяженно сложенный, всегда бритый и вѣчно жевавшей мастику. Руки его всегда крутили усы и самъ онъ никогда не садился въ классъ.

Его занятый часъ у насъ не считался занятіемъ, а только развлеченіемъ и мы его съ нетерпѣніемъ ожидали. Какъ

только Владиміръ Ивановичъ появлялся въ классъ, поднимался невообразимый шумъ. Одинъ кричалъ: «царю небесный», другой «отче нашъ», а третій «по синимъ волнамъ океана». А Владиміръ Ивановичъ стоитъ и крутитъ усы, да жуесть мастику. Наконецъ шумъ прекращается и Владиміръ Ивановичъ доходитъ до кафедры. Спрашивалъ онъ по алфавиту, такъ что кому выходить и отвѣчать, было извѣстно. А потому не успѣвалъ онъ и журналъ раскрыть, какъ выходилъ товарищъ и отвѣчалъ уроки. Жарилъ почему зря. Въ его отвѣтъ все было и латинскіе слова и русское стихотвореніе, но конецъ былъ правильный. Обыкновенно во время отвѣта выбѣгалъ мой товарищъ Угриновичъ, по имени и отчеству приходившійся тезкой Троицкому. Выбѣгаетъ и держитъ такую рѣчь: «Владиміръ Ивановичъ, я Вамъ тезка!» «Какъ?» «да такъ, я тоже Владиміръ Ивановичъ» «А, очень пріятно» «Такъ позвольте мнѣ взять у Васъ часы и журналъ» «Возьми». Угриновичъ беретъ часы и журналъ подъ мышку и важно прохаживается по классу.

Между тѣмъ отвѣчавшій заявляетъ, что онъ уже окончилъ урокъ и проситъ поставить самому отмѣтку себѣ. Тотъ позволяетъ. Такъ и проходитъ цѣлый урокъ, чередуясь въ глупостяхъ бурсака. Предъ рождественскими каникулами мой товарищъ Иваницкій выходитъ къ кафедрѣ и говоритъ: «Владиміръ Ивановичъ, Вы любите малороссійскую колбасу?» «Да, люблю, люблю» «Такъ я Вамъ привезу ее, только Вы позвольте протанцевать козачка» «Танцуй, танцуй». И Иваницкій пускается по всему классу на вприсядку при неистовыхъ вопляхъ бурсы.

Самый классъ, во время занятія Владиміра Ивановича раздѣлялся досками на двѣ половины. Ученики, которымъ не была очередь отвѣчать, шли за доски, чертили себѣ кругъ на полу и играли въ ладышки или гайданчики. Такъ прохо-

дили у насъ уроки Владиміра Ивановича. Чѣмъ бы все это окончилось, если бы на рождественскихъ каникулахъ Владиміръ Ивановичъ окончательно не сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ.

Много и много интереснаго можно было бы рассказать о Мариупольской бурѣ 80 г., если бы имѣлъ возможность видѣться съ товарищами и спросить и возобновить въ памяти картинки былого времени, времени счастливаго и невозвратнаго.

Свящ. П. Ч.

Церковно-школьный отдѣлъ.

По поводу замѣтки о церковной школѣ.

Учитель-діаконъ А. К.—ко въ своихъ замѣткахъ о церковной школѣ, помѣщенныхъ въ № 10-11 Епархіальныхъ Вѣдомостей за сей 1906 годъ, возсталъ съ обличительнымъ словомъ противъ меня и моихъ замѣтокъ, въ которыхъ я указалъ на нѣкоторыя изъ нуждъ школы и учителя, и даже совѣтуетъ «оставить школу».

Считаю лишнимъ отвѣчать о. діакону на всѣ пороки, приписанные имъ мнѣ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ онъ самъ же опровергаетъ, а нѣкоторые и не заслуживаютъ опроверженій, потому что—чистѣйшій вымыселъ о. діакона.

На нѣкоторые-же отвѣчаю вкратцѣ.

1) Въ своихъ замѣткахъ я, между прочимъ, говорилъ о единеніи между учителями и начальствомъ.

Я не допускаю мысли, чтобы кто либо изъ учителей (исключая о. діакона) могъ подумать, что я говорю о какомъ-то единеніи другомъ, а о не единеніи во взглядахъ на педагогическіе приемы и вообще, что касается педагогической техники; но о. діакону благоугодно было заподозрить меня

въ какомъ-то другомъ чуждомъ моимъ взглядамъ и убѣжденіямъ единеніи. Вы говорите, что это вполне достижимо при условіи достаточнаго и убѣдительнаго опыта съ нашей стороны. А я вамъ скажу другое: «это вполне достижимо только тогда, когда никто со стороны не противорѣчитъ, но если учитель дѣлаетъ одно а на опытѣ видитъ, что изъ него достаточно выжимается питательнаго сока, а ему противорѣчатъ, то какъ можно достигнуть? Напримѣръ, возьмите методы преподаванія. По моему убѣжденію самый лучший методъ преподаванія есть тотъ, съ которымъ учитель лучше всѣхъ освоился, а если ему навязываютъ совершенно другой, то какъ онъ можетъ добиться желаемаго?»

2) О. діаконъ придирается еще къ тому, что я говорю: «начальство жметъ церковную школу».

Не знаю, какъ вамъ о. діаконъ, при вашей долготѣнней учительской дѣятельности, а нѣкоторымъ изъ учителей пришлось сталкиваться съ начальствомъ: какъ дѣлать то или другое и если учитель что либо возражалъ на слова начальника (въ чемъ, конечно, на опытѣ убѣжденъ), то ему говорили: «Не ваше дѣло разсуждать, а дѣлайте то, что вамъ, говорятъ» (?). Это что-же по вашему есть?

Вѣдь если учитель—человѣкъ по личнымъ качествамъ достойный своего званія, если это званіе не есть только ремесло, навязанное ему случайными обстоятельствами, то онъ неминуемо беретъ на себя нелегкій трудъ приладиться къ этимъ тяжелымъ своеобразнымъ условіямъ, чтобы извлечь изъ нихъ какую либо пользу для своихъ учениковъ.

3) Далѣе вы о. діаконъ, сѣтуете на меня за то, что я пишу: «учителямъ церковныхъ школъ не предоставлено право сѣзжаться и толковать какъ о своихъ личныхъ, такъ и о школьныхъ нуждахъ». А развѣ это плохо по вашему? Я съ увѣренностью скажу, что всякій изъ учителей, желающій добра школѣ, всегда будетъ стараться, чтобы, въ свободное отъ занятій время, поучиться отъ другихъ—болѣе практич-

ныхъ и опытныхъ людей—чему либо полезному, доброму научить тому-же своихъ дорогихъ питомцевъ. А вы о. діаконъ, какъ видно изъ вашихъ замѣтокъ, этого не желаете—не признаете!

Вы, вѣроятно, не простой смертный, а гений всевѣдущій, или вообще исключеніе человѣчества.

Вы опровергая мои слова о сѣздѣ учителей для благой цѣли, а не для забастовокъ и бунтовъ, какъ вы говорите, что я призываю, въ то-же время опровергаете дальше и сами себя. Вы говорите:... если мы учителя, объединившись... (какъ-же объединиться?) выскажемъ свои личныя дѣйствительныя нужды и желанія, то будемъ питать надежду, устранимъ и недостатки.

Не то ли самое говорю и я въ своихъ замѣткахъ: «необходимо дать возможность учителямъ церковныхъ школъ высказать свои личные взгляды на обще-образовательную сторону церковной школы и обсудить свое положеніе...

4) Затѣмъ вы, о. діаконъ, называете меня социалистомъ—бунтовщикомъ, поднимающимъ знамя съ надписью: «свобода, долой начальство отъ церковной школы». Вы слишкомъ увлеклись, о. діаконъ, и приписываете мнѣ то, чѣмъ я, благодаря Бога, никогда въ жизни не былъ и не буду, такъ какъ это присуще не намъ учителямъ, а развѣ «многогрудальнымъ бундистамъ», какъ вы выражаетесь, и въ то-же время восхваляете свой патріотизмъ; я не посовѣтовалъ-бы никому, такъ какъ истинный патріотъ никогда не станетъ этого дѣлать, ибо это значитъ лишь опошлять столь высокое чувство.

5) Возстаете на меня вы, о. діаконъ, еще за то, что я пишу: «... между людьми специально посвятившими себя школѣ, встрѣчается болѣе противниковъ, чѣмъ сторонниковъ школы...» А развѣ это не правда?

Вѣдь извѣстно-же вамъ, о. діаконъ, что не однимъ учителемъ исчерпываются учебныя силы школы, а рядомъ съ

нимъ, во всякой школѣ, заслуживающей названія нормальной, дѣйствуетъ законоучитель—священникъ.

А много-ли такихъ священниковъ, которые дѣйствуютъ? Не буду говорить о тѣхъ истинныхъ труженикахъ (священники), которые, дѣйствительно, своимъ посильнымъ трудомъ приносятъ громадную пользу школѣ, а не знаете-ли вы, о. діаконъ, такого рода людей, посвятившихъ себя школѣ, которые во вѣренную имъ школу являются одинъ или два раза въ недѣлю, а то и того рѣже, а сами за 60—100 руб. въ годъ ѣздятъ давать уроки совершенно въ другія школы.

Нѣтъ, о. діаконъ, мы къ стыду нашему должны сознаться, что и теперь еще изъ среды нашего сельскаго духовенства выдѣляется меньшинство священниковъ. беззавѣтно преданныхъ дѣлу народнаго образованія, видящихъ въ немъ необходимое дополненіе своей пастьрской дѣятельности, а большая часть (къ прискорбію и ущербу) только для виду исполняетъ въ ней свои обязанности.

6) Наконецъ вы возстаете противъ меня за то, что я говорю: «значительная доля образованныхъ людей относится къ церковной школѣ отрицательно, скептически». А скажите, пожалуста: многіе-ли изъ образованныхъ людей смотрятъ на религіозный элементъ въ школѣ, какъ на самую ея суть, а не какъ на благовидный, безвредный придатокъ? Для многихъ ли изъ нихъ вопросы вѣры—вопросы жизни? Не тайнымъ-ли сознаниемъ этого объясняется позорное равнодушіе нашей интеллигенціи къ дѣлу образованія нашего народа? Не заражаютъ-ли они своимъ равнодушіемъ и малыхъ сихъ? И вотъ хотя малыхъ сихъ могутъ спасти *только* дружныя усилія людей мыслящихъ и истинно вѣрующихъ въ Бога и Его откровенія и провидѣніе, неустанная ихъ работа на почвѣ церкви, на почвѣ школы, а не усилія и работа такихъ людей, о которыхъ Самъ Великій Учитель и Спаситель нашъ сказалъ:

«Приближаются Мнѣ люди сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя, сердце-же ихъ далеке отстоитъ отъ Мене. все-же чтутъ Мя» (Мѡ. 15, 8—9).

Въ заключеніе скажу, что вы, о. діаконъ, много написали мнѣ того, чѣмъ я никогда не былъ и не буду и если-бы я не любилъ церковь съ ея ученіемъ и не трудился принести хотя маленькую пользу школь, то давно-бы оставилъ ее.

Уч. *Калина.*

Письмо въ редакцію газеты «Приднѣпровскій Курьеръ *).

Милост. Гос. г. Редакторъ! надѣясь на Ваше безпристрастіе и справедливость, покорнѣйше прошу Васъ дать мѣсто въ ближайшемъ № Вашей уважаемой газеты слѣдующей моей замѣткѣ по поводу корреспонденціи „Опасный батюшка“ № 95—2808 Приднѣпровскаго Курьера.

Мнѣ прекрасно извѣстно, что въ Чаплинкѣ не имѣется вашего (облеченнаго полнѣйшимъ довѣріемъ) постояннаго корреспондента, поэтому убѣдительно прошу васъ разсѣять мое недоумѣніе: почему къ корреспонд. „Опасный батюшка“, помѣщенной въ № 95—2808 вашей уважаемой газеты, предпослано замѣчаніе въ скобкахъ: „отъ нашего корреспондента“; загадочнымъ мнѣ такъ же показалось, почему къ указанной корреспонденціи (вашего корреспондента) вмѣсто вашего корреспондента подписались „крестьяне“ (подлинникъ подписей которыхъ въ редакціи).—Меня и надѣюсь многихъ читателей интересуетъ: сколько же крестьянъ подписалось подъ корреспонденціей? вѣдь по многозначительной подписи „крестьяне“, можно заключить, что тамъ пожалуй до ста подписей, а можетъ быть есть подписи самыхъ Мостовыхъ, Зайцевыхъ, Горбаневыхъ, Сидоренковыхъ?...

Многоуважаемые читатели! рѣшили вы эти догадки при прочтеніи указанной корреспонденціи?... Приходится благодарить ре-

*) Въ виду отказа редакціи «Приднѣпр. Кур.» напечатать полностью и по личной просьбѣ о. Королева помѣщается на стр. Епарх. Вѣд.

дактора за такую задачу!... Безъ помощи редактора конечно мы ее не рѣшимъ..., но попробуемъ, а г. редактора попросимъ поправить (быть можетъ) нашу ошибку: подписей подъ корреспонденціей не болѣе 5, если туда не попало семейство мѣщанъ; подписей-же: Мостового, Горбанева, Зайца, Сидоренка, категорически заявляю, тамъ нѣтъ!—(Развѣ какимъ обманнымъ путемъ онѣ (подписи) отобраны?...—Это у насъ въ Чаплинкѣ практикуется и въ апрѣлѣ с. г. дознаніемъ было обнаружено (по поводу подложнаго приговора), что заправилами въ этомъ дѣлѣ были крестьяне: Тимофей Демченко, Никифоръ Клименко, Е. П., В. М., и еще души двѣ.. (дознаніе было произведено Петриковскимъ приставомъ по порученію прокурора). Можетъ быть подписи означенныхъ крестьянъ фигурируютъ и подъ цитируемой корреспонденціей? Если наше послѣднее предположеніе оправдается, то прошу читателя не счѣсать съ осужденіемъ—крестьянъ, т. к. дознаніемъ установлено, что означенные крестьяне вовлечены были въ преступленіе отдѣльными злонамѣренными лицами; (отъ одного изъ которыхъ Чаплинка уже избавилась), а 2-й принужденъ будетъ въ скоромъ времени отказаться отъ своей не скромной роли: стрѣлять изъ-за угла (изъ-за спины крестьянъ) въ другихъ, выставляя для отвѣтныхъ выстрѣловъ мишенью крестьянъ! Благо, народъ темный, податливый и для подстрекательства—особенныхъ усилій не требуется!

Считаю совершенно лишнимъ и бесполезнымъ останавливаться на подробномъ разборѣ корреспонденціи; хочу стоять выше того, чтобы обращать вниманіе на „воронье карканье“, вошедшихъ въ довѣріе редакціи, корреспондентовъ! Если редакція „Придн. Края“ не постѣснялась на столбцахъ своей газеты дать мѣсто для корреспонденціи (явно тенденціозной), въ которой коснулось дѣло чести нашего уважаемаго, достопочтеннаго Архипастыря, то чего же отъ редакціи намъ ожидать обыкновеннымъ пастырямъ („презрѣннымъ попамъ“!? Вѣдь это модно и по вкусу (большинства?) читателей!

Между прочимъ только скажу, что Мостовой—есть тотъ-же самый Вергунъ, о которомъ шла рѣчь въ замѣткѣ „Прихожанина“ „№ 2651 Прид. Край“; очевидно фамилія замѣнена съ цѣлью заполнить „цѣлый рядъ обнаруженныхъ фактовъ“ (въ дѣйствительности очень короткій). Относительно же остальныхъ „фактовъ“ (относящихся къ 900 и 901 году) скажу, что за указаніе таковыхъ въ своей жалобѣ (на имя Преосвященнаго) крестьянинъ Гойда былъ привлеченъ мною къ отвѣтственности у земскаго начальника 5 уч. Новомоск. уѣзда; 15 мая с. г. состоялся разборъ дѣла, которымъ

установлена лживость этих „фактов“ и крест. Гойда заявилъ, что жалобу составлялъ не онъ, а подъ постороннимъ вліяніемъ только подписалъ ее даже не читая (и не зная что въ ней содержится).

Вся бѣда въ томъ, что одному изъ указанной мною въ декабрьскомъ № Прид. Кр. *коалиціи* желательно было подвести меня подъ слѣдствіе, отдать подъ судъ, но и въ этомъ отношеніи не честь ему: онъ не сумѣлъ достигнуть своей цѣли, даже пользуясь нелегальными средствами. Необходимо рекомендовать ему въ этомъ: прямой, честный путь (собрать всѣ обвиненія на меня и подать петицію Епархіальному Начальству, а не подбивать къ этому ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ!)—Я вѣдь 9 лѣтъ священствую, а подъ судомъ еще не былъ, что въ средѣ духовенства сравнительная рѣдкость особенно при теперешнихъ порядкахъ и настроеніи паствы! Что-же пора и мнѣ попасть въ разрядъ подсудимыхъ: по крайней мѣрѣ моя паства вправѣ будетъ сказать: „Э! та нашъ батюшка пидъ судомъ бувъ“, и не говорите ей, что онъ молъ оправданъ, вамъ отвѣтятъ: „та то такэ, а табы пидъ судомъ бувъ“—объ этихъ вещахъ у нихъ свои понятія! Это для нихъ было бы также полезно, какъ полезно вообще помѣщать въ періодическихъ изданіяхъ подобнаго (опасный батюшка) рода реплики (да еще съ основательными примѣчаніями редакторовъ): объ Іоаннахъ Кронштадскихъ, архіереяхъ, іереяхъ и проч. представителяхъ религіи!—

Скажу откровенно, что, если бы не примѣчаніе редакціи къ..., то я не счелъ бы своимъ долгомъ отвѣчать на вызовъ, т. к. читатели мною ознакомлены съ этимъ вопросомъ письмомъ отъ 3-го декабря 1905 г. и для нихъ понятными-бы оказались мотивы настоящей корреспонденціи, а авторы направленныхъ противъ меня корреспонденцій предстануть скоро на судъ, гдѣ выяснится правда.

Г-нъ редакторъ! я васъ спрашиваю, какое вы имѣли право поносить мое имя въ вашемъ добавленіи къ корреспонд.? Были ли вы убѣждены въ моей виновности? Если да, то чѣмъ вы убѣдились въ таковой? Ручались ли вы за то, что вы не введены въ заблужденіе вашимъ „непогрѣшимымъ“ корреспондентомъ? Зачѣмъ вы выставили меня на позоръ, разсуждая о религіозномъ скептицизмѣ, экономическомъ давленіи на крестьянъ?! Извините меня, но мнѣ кажется, что вы сами давно заражены этимъ скептицизмомъ. Изъ вашего разсужденія вѣдь выходитъ, что въ городахъ вызвали скептическое отношеніе къ религіи, именно, представители религіи: зачѣмъ вы не ограничились бросаніемъ грязью только въ меня, а

дѣлаете попытку забросать таковою и все многострадальное православное духовенство? Зачѣмъ вы дѣлаете косвенно упрекъ Епархіальному Начальству? Вѣдь вы же не станете отрицать того, что въ добавленіи вы выразились принципиально?! Радѣтели о пользѣ народной! будьте справедливы хотя въ этомъ! скажите свое правдивое слово о причинахъ разлада между паствою и пастырями, неужели онѣ вамъ не извѣстны? въ постановленіяхъ предсоборнаго присутствія вы ихъ найдете! вы склонны только больше проповѣдывать мораль, а отъ дѣланія оmyваете руки! Не препятствуйте же хотя намъ скромнымъ труженикамъ работать въ тишинѣ на пользу народную. Вы говорите объ экономическомъ давленіи на крестьянъ духовенства, а почему же вы сами экономически ихъ давите? Чтеніе для крестьянъ все болѣе и болѣе обращается въ необходимость, почему же вы, радѣтели просвѣщенія народнаго, не «сбавите» съ своей 10 рублевой стоимости газеты, хотя бы половины цѣны—для крестьянъ, вѣдь и въ народныя читальни-то выписываются ваши газеты по номинальной стоимости! объ этомъ бы вамъ надо подумать. Почему вы на свои «барыши» не даете бѣднякамъ бесплатнаго чтенія? Скажете, что вамъ это не выгодно, тогда мы священники скажемъ, что намъ ограничиваться вольной ручной дачей отъ крестьянъ—невозможно, если мы не хотимъ въ культурномъ отношеніи отставать отъ другихъ сословій: эти несчастные «алтыны», «дохлые пѣтухи», «коробки традиціонныя сору [вмѣсто пшеницы]»—прекрасно разрисованы въ запискахъ и дневникахъ священника.

Отчего вы не взглянули на этотъ вопросъ по глубже, шире,—это вашъ долгъ; а вѣдь именно теперь отъ васъ, представителей печати, общество жаждетъ разработки этого вопроса?! Скептицизмъ дѣйствительно охватываетъ деревню, но причина этому не та, которую вы указали, г. Редакторъ и не мнѣ указывать вамъ (какъ просвѣщенному человѣку)—поверхностность въ данномъ случаѣ не извинительна! прекрасна рѣчь по этому вопросу Волинскаго Архипастыря Антонія, почему вы ее не огласили въ вашемъ изданіи?! А ненависть къ представителямъ религіи разжигаетъ [скажу прямо], именно, наша [либеральничая] печать: сколько въ послѣднее время вѣдь появлялось романовъ, повѣстей, рассказовъ, компрометирующихъ представителей религіи православной и съ какимъ удовольствіемъ даютъ мѣсто въ періодическихъ изданіяхъ для репликъ направленныхъ противъ духовенства! Вотъ

вамъ и мораль ваша—жива она была идеалами христіанской религіи, а теперь ужъ надѣляютъ ее идеалами другого рода, съ которыми согласуются даже политическія убійства!? Вы г. Редакторъ почтили меня возведеніемъ въ „типы...“ а я болѣе буду правъ, если скажу, что „типичны“ тѣ Редакторы, которые на шаткихъ подмосткахъ рѣшаются читать нравоученія въ оскорбительномъ [принципіальномъ] тонѣ, надѣясь на свою непогрѣшимость!!...

Священникъ *Илія Королевъ.*

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

СТУДЕНТЪ

С.-Петербургской Духовной Академіи

В. Д. Красницкій

репетаруетъ по всѣмъ предметамъ духовно-учебныхъ заведеній.

З—З

Адресъ—Семинарская ул. д. № 34.

ДУХОВНЫЙ ПОРТНОЙ

Василій Карлюченко

ИЗЪ КІЕВА.

Крою красиво по всѣмъ принятымъ фасонамъ. Заказы исполняю дешево, скоро и аккуратно.

Мастерская—г. Екатеринославъ, Проспектъ, д. Каца, № 17
(противъ реального училища).

36—30

Съ почтеніемъ *В. Карлюченко*

ИКОНОСТАСНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

В. Т. Рослика.

Честъ имѣю довести до свѣдѣнія духовенства и лицъ заботящихся о благолѣпіи храмовъ, что въ моей мастерской производятся работы разныхъ стилей и съ разнаго матеріала по устройству какъ новыхъ, такъ и по ремонту старыхъ иконостасовъ, съ новою на нихъ живописью, или съ реставраціей старой, а также росписи потолковъ и стѣнъ орнаментомъ и живописью также разныхъ стилей, масляными и клеевыми красками.

Всѣ работы производятся вполнѣ добросовѣстно и аккуратно по умѣреннымъ цѣнамъ.

Адресъ для писемъ: Луганскъ, Екатеринославской губ.
В. Г. Рослику, иконостасная мастерская.

24—13 Для телеграммъ: Луганскъ, РОСЛИКУ.

21

Редакторы: { Инспекторъ Семинаріи *Михаилъ Брунбендеръ*.
Преподав. Семин. Протоіерей *В. Мстиславскій*.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Христіанство и социализмъ. 2) Въ бурѣ 80-хъ годовъ. 3) Церковно-школьный отдѣлъ. 4) Письмо въ редакцію газеты «Приднѣпровскій Курьеръ». 5) Объявленія.

Екатеринославъ, Типографія Братства Св. Владимира.